

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК МЕТОД НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Рассмотрены подходы к структурированию семантических полей (СП) и текстовых семантических полей (ТСП). Установлена соотношенность ТСП с поэтической картиной мира по аналогии с тем, как СП соотносится с языковой картиной мира. Обоснована необходимость расширенного применения когнитивного подхода к исследованию полей в художественных текстах. Предложены некоторые положительные критерии иерархической стратификации ТСП.

Ключевые слова: семантическое поле, текстовое семантическое поле, языковая картина мира, поэтическая картина мира, художественный текст, структура семантического поля, критерий ключевых номинаций.

Пугачова А. В., Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.
СЕМАНТИЧНЕ ПОЛЕ ЯК МЕТОД НАУКОВОГО ДОСЛІДЖЕННЯ ХУДОЖНІХ ТЕКСТІВ

Розглянуто підходи до структуризації семантичних полів (СП) і текстових семантичних полів (ТСП). Встановлено співвіднесеність ТСП з поетичною картиною світу за аналогією з тим, як СП співвідноситься з мовною картиною світу. Обґрунтовано необхідність розширеного застосування когнітивного підходу до дослідження полів у художніх текстах. Запропоновано деякі позитивні критерії ієрархічної стратифікації ТСП.

Ключові слова: семантичне поле, текстове семантичне поле, мовна картина світу, поетична картина світу, художній текст, структура семантичного поля, критерій ключових номінацій.

Pugacheva A. V., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **SEMANTIC FIELD AS A METHOD OF SCIENTIFIC RESEARCH OF ART TEXTS**

In the article approaches to structuring of semantic fields and text semantic fields are considered. There is established a correlation of text semantic fields to a poetic picture of the world by analogy to how semantic fields correspond to a language picture of the world. The author proved need of expanded application of cognitive approach to research of fields in art texts.

For TSF there is rejected stylistic criterion of reference of units to kernel, center or periphery, and there is modified frequency criterion. For a set of lyrics of one author an indicator of frequency of the use of certain unit is not the total of its uses in all texts of this author, but number of different texts in which unit functions. In other words, unit repetition in the same text isn't considered.

There is also offered the positive criterion of reference of unit to the TSF center, called criterion of the key nominations. Units calling a key image in some work belong to the TSF center. Substantial indicator of the key nomination is the reinforcement of its main semantic components with a set of other units in this text. As a formal indicator removal of this unit in heading can serve, however it is impossible to be satisfied with only a formal indicator.

Key words: semantic field, text semantic field, language picture of the world, poetic picture of the world, art text, structure of a semantic field, criterion of the key nominations.

Категория поля в лингвистике видится наиболее адекватным отражением таких свойств языковой системы, как, во-первых, открытость, динамичность, отсутствие четких, непроницаемых границ явлений, а во-вторых, неотделимость языка как объекта познания от субъекта – человека, исследователя как носителя

языка [7, с. 9]. Очевидна взаимосвязь этих двух особенностей языка. Открытость, динамичность и непрерывность сознания обуславливает и определенную «текучесть» языка как практической формы сознания.

Именно семантические поля (СП) являются единицами языковой картины мира (ЯКМ), которая, в свою очередь, является важнейшим компонентом языковой личности (ЯЛ), то есть человека как носителя «воязыченного» сознания. Таким образом, метод поля объединяет в себе структурный и антропоцентрический подход к языку, помогая изучению его как самостоятельного системного объекта и как средства «лингвистической «интерпретации» человека» [7, с. 3]. В этом *актуальность* темы.

Изучение СП в художественных текстах разных авторов позволяет увидеть отличия обыденной ЯКМ от поэтической, общенациональной от индивидуальной, а также взаимные отличия индивидуальных ЯКМ разных авторов.

Понятия системно-языкового СП и обыденной (наивной) ЯКМ *разработаны* уже достаточно подробно. Значительную работу в этом направлении в русистике проделали Ю. Н. Караулов [9], Л. А. Новиков [12], В. Н. Денисенко [6–8], В. П. Абрамов [1], А. Вежбицкая [5] и др. Но категория текстовых (реализуемых в художественных текстах) СП еще ждет детальной разработки. Основы изучения ТСП заложил Л. А. Новиков, развивали это направление также М. Л. Новикова [13], Н. С. Новикова [14; 15], А. П. Клименко, В. А. Симхович [10] и др. Однако до сих пор четко не выработаны положительные критерии иерархической стратификации ТСП. То же касается понятия поэтической картины мира (ПКМ), которая только начинает быть предметом научного внимания. Понятие ПКМ активно разрабатывает, например, Л. Ю. Буянова [3].

Наша *цель* – выявить особенности применения метода СП к художественным текстам. Для ее достижения необходимо решить следующие *задачи*: 1) обобщить основные положения теории СП и установленные особенности реализации СП в художественных текстах; 2) опираясь на разработки в области СП в языке и тексте, а также наивной и поэтической картин мира, выявить адекватные критерии полевой организации лексических единиц, функционирующих в художественном тексте.

Если обобщить результаты исследований СП, то можно назвать следующие его основные категориальные свойства. СП как лексическая категория характеризует объединение лексико-семантических вариантов слов разных частей речи на основании наличия у всех этих ЛСВ общего семантического компонента с именем поля (доминантой, архилексемой), которое в наиболее общем виде выражает инвариантное значение всего поля. При этом такое объединение организуется в иерархическую структуру, в которой каждый элемент занимает свое место (в ядре, центре или периферии поля) в соответствии с его ролью в выражении инвариантного значения поля. Наряду с делением на ядерную, центральную и периферийную части единицы поля также объединяются в семантические классы (парцеллы) на основании того, какой именно семантический компонент у них общий с именем поля, либо на основании наличия у них дополнительной (кроме инвариантной) общей семы. Наконец, единицы СП имеют три типа отношений: парадигматические, синтагматические и эпидигматические.

Для включения некоторого ЛСВ слова в СП надо установить наличие у него семантической связи с именем поля. Необходимым и достаточным условием такой связи является наличие у них общего семантического компонента, но дополнительными признаками будет наличие ассоциативной связи между ними [9,

с. 76], а также общий «метадеготат и/или метадесигнат» [Там же, с. 119]. Метадеготат является классом, к которому относится обозначаемый данным словом деготат, и «соответствует теме».

При этом Ю. Н. Караулов отмечает, что непосредственная «связь входящих в поле слов друг с другом (т. е. помимо ядра) может иметь или не иметь места» [Там же, с. 119]. Но опосредованная связь имеется между всеми элементами поля, причем опосредованная не более чем на «один «шаг», в котором промежуточным элементом является имя поля» [Там же, с. 209]. Наибольшая плотность непосредственных связей между рядовыми элементами поля характеризует центр поля [Там же, с. 209].

Имя поля и рядовые элементы поля имеют особенности. Ю. Н. Караулов отмечает, что рядовой элемент СП «характеризуется максимальным набором компонентов, так как все его ЛСВ становятся равноправными в ходе сравнения его компонентов с минимальным набором соответствующего имени», тогда как имя поля «бывает задано минимальным набором компонентов, определенным по главному ЛСВ или же по сумме ЛСВ» [Там же, с. 200]. Если имя представлено однозначным словом, то минимальным набором компонентов будет его словарное определение «за вычетом нулевых компонентов» [Там же, с. 197]. Если же слово многозначное, то набор компонентов «определяется по его общему значению, которое равно: либо главному ЛСВ этого слова-имени; либо сумме синонимов, через которые оно толкуется; либо сумме его ЛСВ, связанных отношениями имплицации» [Там же, с. 199].

Отдельную проблему составляет выбор имени поля. Самое очевидное – то, что имя поля «должно иметь семантически самое простое значение, входящее в содержание всех единиц этого поля», служить «основой их объединения и идентификации» [7, с. 23]. Необходимо «промежуточное, срединное положение имени поля между логическими крайностями – абстрактное–конкретное и термин–термин», что «диктуется самой логической структурой: оно должно быть достаточно абстрактным и широким, для того чтобы включать гипонимы, и в то же время в известной степени конкретным, поскольку само должно иметь суперординату» [9, с. 136].

При построении СП используется как дедуктивный, так и индуктивный методы. Дедукция применяется, когда мы, установив инвариант поля (общее значение его имени), «движемся» от него к вариантам – устанавливаем состав поля, принимаем решение о включении или не включении в него тех или иных ЛСВ слов, которые мы сравниваем с инвариантом. Индукцию же необходимо применить на этапе структурирования СП, когда на основании установленных значений элементов поля мы объединяем их в семантические классы (парцеллы), устанавливаем их частные связи, выделяем ядро, центр и периферию поля.

Семантические классы (парцеллы) включают единицы с «более частным, конкретным, но в то же время и семантически более сложным» по сравнению с инвариантом поля значением [16, с. 38]. Такие единицы объединяются «по наличию в значении общих компонентов или общей направленности описания» [17, с. 64], а также «сходной дистрибуции» [14, с. 76]. Кроме того, «любой член группы связан хотя бы ещё с одним членом этой же группы либо отношениями гипонимии или квазигипонимии (привативная оппозиция), либо отношениями синонимии (нулевая оппозиция)» [14, с. 76–77].

Как можно было увидеть, парцеллы являются примером парадигматических отношений в СП. Но, кроме парадигматики, поле характеризуется также синтаг-

матикой и эпидигматикой (деривационными, ассоциативно-деривационными, словообразовательными отношениями) [7, с. 19; 1, с. 46; 14, с. 74; 12, с. 565]. Причем все три «измерения поля» оказываются взаимосвязанными [8, с. 21]. Так, «парадигматические свойства единиц (степень их близости) оказываются соотносены с синтагматическими (сходство их употребления)» [8, с. 20].

Целостность СП проявляется, между прочим, в том, что деление его на ядро, центр и периферию, с одной стороны, на парцеллы – с другой, и парадигматическое, синтагматическое и эпидигматическое измерения – с третьей, также взаимосвязаны. Например, парцелляция наиболее четко и последовательно проявляется в центре СП, а наиболее широкие деривационные возможности характерны для ядерных и околядерных элементов [9, с. 222; 16, с. 108].

Мы подошли к важному моменту в теории семантического поля – разграничению СП как лексической категории и метода семантического поля, который может быть применен и к другим лексическим (и не только) подсистемам языка. Такое разграничение проводится в работах Ю. Н. Караулова, В. Н. Денисенко, З. Д. Поповой и И. А. Стернина и других исследователей.

Метод поля относится к формальным (структурным) методам [Там же, с. 17] и предполагает «интерпретацию того или иного фрагмента действительности в виде иерархически организованного в языке «семантического пространства» [7, с. 18]. Был даже предложен специальный термин «полевая структура» для обозначения любых систем, организованных методом поля [17, с. 8], а это могут быть ЛСГ, ТГ, ассоциативные поля, концепты и т. д.

Для понимания важности такого феномена, как СП, существенно то, что оно является непосредственной единицей ЯКМ, на что указывают Ю. Н. Караулов, Л. А. Новиков, В. Н. Денисенко и другие ученые.

Ю. Н. Караулов выдвигает критику метафоричного термина «картина мира» и употребляет вместо него «поддающееся конструктивному определению понятие «модель мира», различая две ее разновидности – «концептуальную» (КММ) и «языковую» (ЯММ)» [9, с. 267]. Однако В. Н. Денисенко не отказывается от образного компонента в термине, отмечая, что «“языковая картина мира”, в отличие от “картины мира”, – вполне конкретная лингвистическая категория, представляющая собой совокупность реконструированных семантических полей, классов взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц языка» [6, с. 10]. Так что термины «языковая картина мира» и «языковая модель мира» употребляют как синонимичные.

Разграничивая ЯММ и КММ, Ю. Н. Караулов выделяет следующие их свойства.

1. Основные элементы ЯММ – СП, имена полей, а КММ – «обобщения элементов ЯММ, имена объединений полей». Он также сравнивает соотношение между ЯММ и КММ с соотношением между значением и понятием.

2. КММ «организована не по языковым законам, а по “законам мира”», и соотносится с «семантикой отражения». ЯММ, «очевидно, целиком поглощает» собственно лингвистическую семантику.

3. ЯММ более подвижна, фрагментарна, специфична, не всегда завершена, не вполне системна, КММ более устойчива и универсальна, упорядоченна, системна, научна.

4. Поскольку КММ иерархически выше, чем ЯММ, то «расхождения между языковыми моделями мира внутри одной языковой общности и между ЯММ раз-

ных языков нейтрализуются в значительной степени на уровне КММ, что и обеспечивает взаимопонимание» [9, с. 271–274].

Таким образом, учитывая иерархичность «целостной картины» мира, раздваивающейся на концептуальную и языковую, Ю. Н. Караулов отмечает: «Чем дальше мы углубляемся в иерархические отношения, тем больше возможность ... несовпадения границ полей как между языками, так и в пределах одного языка – между полями у разных носителей» [9, с. 255]. То есть можно говорить об общечеловеческой, национальной и индивидуальной картинах мира. Национальная и индивидуальная специфика ЯММ проявляется именно на уровне СП [Там же, с. 33, 254].

Заслугой В. Н. Денисенко является то, что ему принадлежит первое диссертационное исследование, посвященное рассмотрению СП именно как единицы ЯКМ. При этом его взгляд отличается расширительным пониманием ЯКМ: «Единицами языковой картины мира и, соответственно, семантических полей ... становятся не только слова и устойчивые сочетания..., но и различные способы разного восприятия человеком окружающего мира» [7, с. 10]. Интересно замечание ученого о том, что в ЯКМ образ выходит на первое место и «возникает не в семантике, а в системе знаний», тогда как «семантика размывается». Иными словами, происходит «удаление знаковости на второй план и выдвижение на первое место картинности» [6, с. 8].

Как видим, СП исследуется уже не только формальными методами (в рамках структурной парадигмы), но и когнитивными (в рамках парадигмы антропоцентрической). Совмещение этих методов обогащает лингвистическое знание и даже выводит его за его собственные пределы.

Вполне естественно у лингвистов возникает интерес к наблюдению СП в текстах художественной литературы. Изучая СП, реализуемые в текстах отдельных конкретных авторов, мы наблюдаем «индивидуальную обусловленность и варьированность поля» [9, с. 269] и имеем дело с единицами индивидуальной ЯКМ.

Л. А. Новиков выделил особый тип полей, «продуктивный для изучения языка художественной литературы и поэтики», – текстовое семантическое поле (ТСП) [12, с. 555]. ТСП соотносительно с СП, но не тождественно ему: 1) оппозиция СП – ТСП отражает дихотомию язык – речь; 2) семантика и структура ТСП контекстуально обусловлены, более подвижны и менее определены; 3) инвариантному значению СП, выраженному именем поля, соответствует «тема ТСП, которая представляет обычно синтез ряда подтем» [Там же, с. 556–557].

Говоря о специфике ТСП, ученый подчеркивает, что «оно организуется категорией автора как целенаправленная система, в которой подчас разнородные элементы становятся внутренне единым выражением идейно-эстетического смысла» [Там же, с. 559]. Механизмом такого объединения разнородных элементов в ТСП является «импликация, отношение «если А, то В»: $X \rightarrow Y \rightarrow Z...$ Такие единицы, группируясь и различаясь в пределах цепочек импликаций, противопоставляются единицам других цепочек по принципу оппозиции, что создает полевою структуру текста» [12, с. 557]. Например, в стихотворении В. В. Маяковского «Блек энд уайт» в оппозицию входят «ТСП ‘белый’ и ‘черный’, где имена полей имплицитно в соответствии с их многозначностью ряды номинаций с прямыми и переносными (контекстуальными) значениями (‘чистый’ – ‘грязный’, ‘доброкачественный’ – ‘плохой’: белый (‘белокожий’) – черный (‘чернокожий’) → белая работа – черная работа, ананас спелый – гнилью моченный)» [Там же, с. 558]. Взаимо-

действие ТСП друг с другом способствует «раскрытию образов и идеи произведения» [Там же, с. 559].

Относительно структурных особенностей ТСП Л. А. Новиков отмечает: «Ядерная часть ТСП находится чаще всего в его начале, там, где, говоря математическим языком, тема подчеркнута задается, получая дальнейшее развитие в последующих частях текста» [12, с. 557]. Существенно, что «единицы центральной и периферийной зон ТСП связаны с именем поля по своим первичным или вторичным семантическим функциям..., т. е. могут соотноситься с разными его значениями, реализовать его многозначность» [Там же, с. 557].

А. П. Клименко и В. А. Симхович устанавливают, что лексическая группа в тексте может иметь ядро, совпадающее с ядром соответствующей ЛСГ в языке, так как в ядро всегда входят слова, «однозначно и систематически обозначающие более общее понятие», но периферия будет разительно отличаться [10, с. 97]. Они также отмечают, что состав ЛСГ в тексте «ограничен самим текстом» [Там же, с. 96] и что это могут быть слова одной или разных частей речи, имеющие сходную функциональную значимость в структуре текста.

М. Л. Новикова указывает, что «текст может нейтрализовать различия единиц, относящихся в языке к разным полям, и, наоборот, дифференцировать то, что является подобными единицами» [13, с. 37]. ТСП, по её мнению, «представляет собой протяжённую, динамически развивающуюся структуру» [Там же, с. 38]. Объясняя это положение, она замечает, что «один член образного ряда образует необходимые условия функционирования других его членов, выступая по отношению к ним как своеобразный мотивирующий фактор» [Там же, с. 42].

Художественный текст всегда характеризуется образным языком, употреблением лексических единиц в особой художественной, поэтической функции. Таким образом, ТСП всегда будет насыщено единицами во вторичных, производных, переносных, метафорических значениях.

Важную особенность художественного текста отметила Л. Ю. Буянова. Отталкиваясь от категории субъекта языка как носителя мысли и чувства, она указывает, что нехудожественный текст «используется членами социума в процессах коммуникации по линии «автор – реципиент»» и «является носителем и репрезентантом» мысли по преимуществу. А художественный текст является «максимально экспрессивной языковой единицей, используемой в процессах коммуникации по линии «автор – внутреннее «эго» автора – реципиент»», и доминирующим в нем выступает чувство, «как бы перекрывающее событийную линию» [3, с. 10].

Другой существенной чертой художественного текста считают его подчеркнутую этичность: «Любая языковая оценка, эмоционально-экспрессивная маркировка имплицитно отражают оценку нравственную, моральную, что особенно четко прослеживается в пределах поэтического или художественного дискурса» [4, с. 8].

Интересными представляются теоретические разработки С. Г. Будановой, которая соотносит индивидуально-авторскую и общезыковую КМ с такими формами сознания, как искусство, религия и наука, базирующимися соответственно на чувстве, представлении и понятии. Общезыковая КМ включает научную и национально-культурную КМ и проявляется в сфере науки, религии и национальных ментальных стереотипах. Индивидуально-авторская КМ является наиболее субъективной и проявляется в искусстве. При этом, «данная картина мира не рассматривается как наиболее простая и бедная по содержанию, а напротив, именно в силу своей первичности, «природности», субъективности является

богатейшим источником индивидуально-авторских смыслов, приращенных значений, концептуализированных единиц» [2, с. 18–19].

Л. Ю. Буянова, Г. П. Немец, В. И. Тхорик считают целесообразным для индивидуально-авторской КМ, реализуемой в художественных текстах, ввести особый термин – поэтическая картина мира (ПКМ). ПКМ «можно определить как способ вербального описания (построения) макро- и микромиров народа и личности; как отражение языковыми / речевыми средствами информации о мире, причем образ мира передается и строится с помощью лингво-нравственных универсалий, соединяющих в себе единство противоположностей: жизнь – смерть, время – вечность, пространство – небытие, любовь – ненависть, счастье – горе, одиночество – «мы» и т. п.» [4, с. 9]. Основополагающие признаки ПКМ: «антропоцентризм, экспрессивность, континуальность, этичность, универсальность» [Там же, с. 10].

Антропоцентризм ПКМ проявляется в том, что «основным «мерилом» ценности мира выступает сама языковая личность» [Там же, с. 10]. С этим свойством ПКМ тесно связана и ее экспрессивность. В этом свете «все языковые новации, окказиональное словотворчество, специфические, нетипичные модели словообразования, необычный синтаксический рисунок и т. п. можно рассматривать как уникальные лингвистические маркировки стресса, смятения духа, психологического взрыва, надлома, депрессии, в то время как языковую «ровность», обычность, узуальность речевых реализаций ... возможно оценивать как свидетельство устойчивости и комфортности психологического состояния, душевного и духовного мира языковой личности» [3, с. 11].

Взаимосвязаны также этичность и универсальность ПКМ. В любом художественном произведении «доминантными являются образы (смыслы, символы, концепты) Любви, Долга, Верности, Терпения, Совести, Справедливости» [4, с. 9]. А индивидуальность ПКМ отдельных авторов обеспечивается тем, что эти универсальные образы «реализуются в дифференцирующихся событийно-фабульных сценариях Жизни, эксклюзивной для каждой отдельной языковой личности» [Там же, с. 9].

Как было отмечено выше, для изучения СП, поскольку оно является единицей ЯКМ, релевантными представляются не только структурные, но и когнитивные методы. В отношении ТСП как единицы индивидуальной ПКМ роль когнитивных методов тем более возрастает. Ведь хотя ЯКМ и не может быть оторвана от субъекта – ЯЛ, но все же этот субъект является обобщением множественных частных субъектов, то есть некоторой абстракцией, а значит, он в определенной степени объективирован. Субъективность же ПКМ представлена во всей полноте, и познающий субъект в ней занимает центральное место.

С учетом всего вышесказанного полагаем, что для ТСП следует отвергать или модифицировать некоторые критерии отнесения единиц поля к ядру, центру или периферии, разработанные для СП, а также вводить дополнительные критерии. Так, стилистический критерий следует отвергнуть как нерелевантный для художественных произведений, а частотный преобразовать с учетом специфики функционирования лексических единиц в различных жанрах. Например, для множества лирических стихотворений одного автора показателем частоты употребления некоей единицы будем считать не общее количество ее употреблений во всех текстах данного автора, а количество разных текстов, в которых единица употребляется (без учета повторов единицы в одном и том же тексте).

Мы также предлагаем ввести такой критерий отнесения единицы к центру поля: в центре ТСП находятся единицы, именуемые ключевой образ в некотором произведении. Содержательный показатель ключевой номинации – подкрепление ее основных сем множеством других единиц в данном тексте. Формальным показателем может быть вынесение данной единицы в заголовок, но наличия лишь формального показателя недостаточно (подробнее см.: [18, с. 292]).

Перспективы работы с данной темой предполагают разработку новых критериев и алгоритмов стратификации ТСП и сведение их в непротиворечивую и адекватную объекту исследования – художественным текстам – систему.

Библиографические ссылки

1. **Абрамов В. П.** Актантная структура семантического поля / В. П. Абрамов // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. 1. Теория / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 1995. – С. 45–47.
2. **Буданова С. Г.** Виды картин мира: философия и лингвистика / С. Г. Буданова // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем : сб. науч. ст. – Ч. 1 / сост. : В. Н. Денисенко. – М., 2011. – С. 16–20.
3. **Буянова Л. Ю.** Мысль и чувство: аспекты языкового воплощения / Л. Ю. Буянова // Категориальные субстанции языковых реалий : Природа. Общество. Человек. Вест. Южно-рос. отд. МАН ВШ. – Краснодар, 1998. – № 1 (11). – С. 10–12.
4. **Буянова Л. Ю.** Нравственные основы языкового бытия / Л. Ю. Буянова, Г. П. Немец, В. И. Тхорик // Там же. – С. 6–10.
5. **Вежбицкая А.** Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая. – М. : Языки славян. культур. – 2011. – 568 с.
6. **Денисенко В. Н.** Метод семантического поля и языковая картина мира (наименования изменения в русском языке) / В. Н. Денисенко // Вест. РУДН. Сер. «Лингвистика». – 2006. – № 8. – С. 5–16.
7. **Денисенко В. Н.** Семантическое поле «изменение» в русской языковой картине мира (структурный, функциональный, когнитивный аспекты) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / В. Н. Денисенко. – М. : РУДН, 2005. – 44 с.
8. **Денисенко В. Н.** Синтагматика и парадигматика семантического поля / В. Н. Денисенко // Вест. РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – № 2. – С. 18–24.
9. **Караулов Ю. Н.** Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов / Отв. ред. С. Г. Бархударов. – Изд. 2-е. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 360 с.
10. **Клименко А. П.** Лексико-семантическая группа в структуре связного текста / А. П. Клименко, В. А. Симхович // Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград, 1990. – С. 90–99.
11. **Кривченко Е. Л.** К понятию «семантическое поле» и методам его изучения / Е. Л. Кривченко // Филол. науки. – 1973. – № 1. – С. 99–103.
12. **Новиков Л. А.** Эскиз семантического поля / Л. А. Новиков // Л. А. Новиков Избранные труды. Т. 2. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. – М. : Изд-во РУДН, 2001. – С. 554–570.
13. **Новикова М. Л.** Остранение как языковая структура текстового поля / М. Л. Новикова // Филол. науки. – 1999. – № 6. – С. 37–44.
14. **Новикова Н. С.** Инвариантное значение имени поля и внутренняя структура ядра / Н. С. Новикова // Там же. – 1985. – № 4. – С. 73–78.
15. **Новикова Н. С.** Тематическая группа как семантический компонент текста / Н. С. Новикова // Рус. яз. в нац. шк. – 1985. – № 5. – С. 8–13.
16. **Петров А. В.** Предикатно-актантные поля в русском языке : монография / А. В. Петров. – Симф. : ОАО «Симф. город. тип.» (СГТ), 2012. – 320 с.
17. **Полевые структуры в системе языка** : коллективная монография / под ред. З. Д. Поповой. – Воронеж, 1989. – 200 с.

18. **Пугачева А. В.** Ядерно-периферийное строение семантического поля «Женщина» в поэзии И. Кормильцева / А. В. Пугачева // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Сер. «Мовознавство». – 2010. – Вип. 16. – С. 287–294.

Надійшла до редколегії 16.12.13.